

«Месяце в деревне» усредненно-современные, порой нарочито откровенные одежды герои и героини спектакля постепенно меняют на костюмы ушедшей эпохи, дополняя туалеты то одной, то другой деталью, которые все более и более «закрывают» персонажей. Но не ностальгию по тургеневским временам навешивают эти костюмы в финале, а, скорее, рожают чувство неотвратимости и необходимости погружения души в убагаживающий от разрушительной страсти панцирь, который только и способен спасти от гибели. Хотя цена спасения — измена собственной природе.

Интересно, что и Чехов на фестивале был представлен не его великими пьесами, а «Платоновым», в котором без труда угадываются мотивы его будущих «драматургических созданий», но который еще крепко связан с традиционной театральностью, отчасти со стихией чеховских водевилей. Режиссер Анатолий Иванов сумел найти точный подход к этой пьесе, почувствовал ее особый, так сказать, переходный характер. Сценография и костюмы Л. Наголовой и М. Курченко погружают нас в эпоху модерна и как бы театрализуют его. Металлическая конструкция с множеством входов-выходов и еще большим числом светильников создают театральное пространство, в котором находится место и водевильным персонажам, и атмосфере солонного флирта, и мукам трагической безысходности главного героя.

Почти два десятка персонажей пьесы объединены режиссером в ансамбль с различными ведущими

классических пьес, обладающую завидной сценической историей, армянские артисты сыграли как бы «с листа», напроочь игнорируя уже сложившиеся традиции ее воплощения в русском театре. Мы увидели Островского, вовлеченного, казалось бы, в чуждую ему театральную орбиту. Перед зрителем предстала не мелодрама, а трагедия, причем несущая все родовые черты армянского театра: жесткость, монументальность, органику высокой патетики. Конечно, непривычны были скульптурность мизансцен, то многофигурных, то освобожденных для протагониста. Кажется, что режиссеру В. Шахвердян важно было приблизить Островского к мощному дыханию античной трагедии. Видимо, он сознательно жертвовал особым ароматом языка, подробностью сценической жизни героев, а может быть, понимал, что такие потери при воплощении пьесы русского классика на армянской сцене неизбежны. Как бы то ни было, ванадзорский спектакль был встречен горячей овацией орловских зрителей, а стало быть, в их глазах подобный эксперимент получил несомненное оправдание.

Фестиваль в Орле вообще не был лишен духа эксперимента, ибо как иначе отнестись к первой в России постановке Б. Голубицким «Последнего колдуна», написанного Тургением на музыку Полины Виардо для домашнего спектакля. Или другая орловская премьера — «Женитьба Бальзаминова» Островского в театре «Свободное пространство», где Миша Бальзаминов предстает перед нами сразу в двух лицах? Помимо

ИВАН ТУРГЕНЕВ И ДРУГИЕ

Театральный фестиваль «Русская классика», посвященный 175-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева, был задуман не только как праздник для жителей и гостей города Орла. Афиша фестиваля была составлена таким образом, будто в гостях у Тургенева побывали Щепкин, Савина и, конечно, Полина Виардо. А рядом с ними — Гоголь, Островский, Чехов.

Итак, 9 ноября, в день юбилея, фестиваль открылся «Дворянским гнездом» Петербургского Большого драматического театра имени Товстоногова. На следующий день, объявленный Днем артиста Императорского Малого театра Щепкина, были показаны две тургеневские пьесы, в которых когда-то он исполнял свои коронные роли: «Холостяк» сыграли артисты Центрального театра Российской армии, а Оренбургский театр имени М. Горького — «Нахлебника». День Гоголя был отмечен «Панночкой» по пьесе Н. Садура Омского театра драмы и «Игроками» Санкт-Петербургского. Открытого театра. В День заслуженной артистки Императорских театров Савиной Российский театр драмы имени А. С. Пушкина из Петербурга показал «Эллегия» П. Павловского, а Московский Театр на Покровке — «Месяц в деревне», пьесу, в которой Савина покорила в свое время Тургенева в роли Верочки. Не забыли организаторы фестиваля и о подвигнической общественной деятельности Савиной — основательницы Русского театрального общества.

В День А. Н. Островского гости российского фестиваля из Армении — Ванадзорский драматический театр — играли спектакль «Без вины виноватые». На следующее утро, которое уже было началом Чеховского Дня, они почти импровизационно умудрились показать театральную обществу Орла своих «Трех сестер», а вечером Воронежский театр драмы имени А. В. Кольцова играл Чехова «Платонова», назвав спектакль строчкой из романа «Прости меня, мой ангел белоснежный...»

Завершился фестиваль двумя орловскими премьерами: «Женитьбой Бальзаминова» Островского в Театре для детей и юношества «Свободное пространство» и тургеневской опереттой-фантазией «Последний колдун» на музыку Полины Виардо в драматическом театре им. И. С. Тургенева.

Тургеневская афиша собрала, пожалуй, все самое заметное из репертуара российских театров. Она включала как спектакли, не первый сезон идущие на сцене, — «Дворянское гнездо», «Холостяк», так и совсем новые — «Месяц в деревне», «Последний колдун». И хотя о каждом из них можно спорить и даже предъявлять серьезные профессиональные счет создателям, они имели свои веские резоны для появления в фестивальной афише. Ну как было не привезти «Холостяка» с Николаем Пастуховым в роли Мошкина?

Мошкин Пастухова рассказал о самоотречении и самопожертвовании без самолюбования любви к ближнему без расчета на любые дивиденды и напомнил об этом в наш «жесточкий век».

У Тургенева есть пьесы бенефиса и пьесы ансамбля. К первым можно отнести «Нахлебника» Оренбургского театра с А. Солодиным в роли Кузовкина, «Эллегия» П. Павловского с неуязвимым Б. Фрейндлихом в роли Тургенева. К последним — «Месяц в деревне» Московского Театра на Покровке. С. Арцибашев взял за эту пьесу, кажется, вовсе не предполагая, что она была написана в прошлом веке. Он ставит

ее как драму XX века с присущей этому веку жесткостью страстей. Почему-то вспоминается испанская драма с ее игрой любви и смерти, «игрой беса». Так и здесь — все предельно обнажено, может быть, упрощено. Нет и намека на нервность и тонкость душевных порывов Натальи Петровны; есть всепоглощающая страсть, сметающая все и вся. Борьба с собой у героини Елены Стародуб — так печаль «Времен года» Чайковского сметается вихревой стихией побеждающей гавриллинской тарантеллы.

Конечно, Арцибашев знает предшественников и будто в пику им рисует тургеневских персонажей, используя, подобно художнику-авангардисту, совсем иной, неожиданный материал. Помните Беляева — Олега Дала? Все что угодно можно было предположить в природе влечения к нему Натальи Петровны, но только не влечение к красивому тренированному телу, к вопиющей пустоте. А именно таков Беляев у Дмитрия Епишина и Арцибашева.

Арцибашев остается верен своему принципу наглядного сближения времен. Так было в «Трех сестрах», в «Ревизоре». Теперь и в

ми голосами — прежде всего исполнительницами женских ролей: Л. Кравцовой — Анны Войницевой, Н. Ивановой — Софьи, И. Сенюхи — Саши. У этого спектакля есть редкое качество — сценическое обаяние, как ни странно применяя эти слова к спектаклю в целом, а не к отдельному артисту. Есть в нем удивительная сценическая легкость: встречи, расставания, бурные объяснения будто переливаются друг в друга, движение жизни стремительно и неотвратимо. Может быть, именно этот контраст внешнего движения и невозможности движения душевного, внутреннего в Платонове — Е. Малишевском и создает особый объем спектакля. Так же, как сквозь романсовый аккомпанимент музыкальной доминантой прорывается «Эллегия» Ж. Массне в бесподобном шалашинском исполнении.

Пьеса, в силу понятных причин не имевшая заметной сценической судьбы, получила у воронежцев право на полнокровную театральную жизнь. Как ни парадоксально, но Ванадзорский театр из Армении оказался в схожей с воронежцами ситуации. «Без вины виноватых» А. Н. Островского — одну из самых репертуарных

собственно Бальзаминова есть еще и его душа, которая так же, как и ее владелица вступает в диалог, подает реплики, реагирует на происходящее на яву и в грезах. Ход режиссером придуман заманчиво, и у обоих исполнителей — В. Супруна и И. Черкашина — есть очень яркие сцены, в которых фантазматическая безудержных мечтаний или жутких кошмаров доведена, кажется, до последнего предела.

Особый разговор — об орловском зрителе. Фестиваль шел на аншлагах, каждый спектакль принимался с особенной теплотой. А это значит, что театральный фестиваль в Орле действительно стал праздником, хотя в его преддверии возникали определенные опасения. За последнее время проведено такое количество фестивалей, какого не было в самые благополучные с материальной точки зрения годы. Отсюда — неизбежная девальвация. Театральный праздник зачастую превращается в унылое мероприятие, участники которого развешиваются с превратным ощущением собственной избранности, умный зритель оказывается разочарован, неискушенный — убежден, что увидел высокое искусство. С другой стороны, некоторые столичные театры либо делают великое одолжение, участвуя в таких встречах (если они проводятся в российской провинции), либо их вовсе игнорируют. Но вот тургеневский фестиваль позади, и, кажется, он стал редким исключением в фестивальном марафоне последнего времени. Конечно, это не фестиваль шедевров, но практически каждый его спектакль давал повод поразмышлять о жизни классики на современной сцене, о ее неисчерпаемом духовном объеме, о языке, на котором театр говорит сегодня со зрителем.

Борис ЦЕКИНОВСКИЙ.

● Сцены из спектаклей: «Месяц в деревне». Наталья Петровна — Е. Стародубцева, Беляев — Д. Епишин, «Прости меня, мой ангел белоснежный...»

Фото В. Ахломова, Н. Стребкова.